

Солнечные лучи пробивались сквозь бумажное окно, заливая золотым светом добрую половину кана.

Время близилось к полудню.

В комнате было жарко натоплено: мало того что жаром пылал сам кан, так внутри еще расставили две жаровни с древесным углем. Двери и окна держали наглухо запертыми, отчего в помещении стояло настоящее пекло.

Чэнь Чжи мыл Чанся.

Мальчик уже довольно долго отмокал в большой деревянной лохани. Он был совершенно нагим, но поскольку, кроме головы, всё его тельце скрывалось в приятно горячей воде, холода он не чувствовал.

И всё же он страшно робел, а потому сидел на самом дне, крепко поджав под себя руки и ноги.

А во дворе тем временем истошно выла желтая собака.

С самого утра хозяева спустили пса с привязи, но не успел тот добежать до ворот, как на него наткнулся маленький Пэй Яо.

Чэнь Чжи то и дело прикрикивал на сына через закрытое окно:

— Ах ты, паршивец! А ну отпусти собаку! Хватит хватать её за хвост! И чтоб сегодня из дома ни ногой! Только попробуй выбежать за ворота — вернись, уши надеру!

В обычные дни пускай себе бегают и играют, но сегодня случай был особый. Пэй Юва только вчера вернулся из долгого похода, и сыну полагалось смирно сидеть дома, чтобы отец, как проснется, сразу его увидел.

Обычно на второй день после возвращения Пэй Юва всегда намывался, переодевался в чистое и только после этого, придав себе пристойный вид, отправлялся прогуляться по деревне и повидаться с соседями.

Но в этот раз он привез с собой Чанся. Мальчик был слаб здоровьем, поэтому взрослые справедливо рассудили, что искупать его нужно в самый полдень, когда солнце греет сильнее всего.

В лютые зимние морозы, каким бы ярким ни было полуденное солнце, мытье всегда оставалось делом непростым, особенно для малых детей.

Однако, встав сегодня поутру, Чэнь Чжи увидел, что и одежда у Чанся засаленная, и сам он замарался в пути. После двадцати дней тяжелой дороги мальчик был покрыт вековой пылью, так что не отмыть его было решительно невозможно.

Лохань для мытья придвинули поближе к глинобитному кану, но не вплотную — иначе брызги полетели бы на постель, и тогда пришлось бы сушить её и тратить лишние дрова.

Взрослые, конечно, куда выносливее детей и легче переносят холод. Но Пэй Юва, пока сам не помылся, тоже не хотел показываться деревенским в грязном виде — это вызывало бы у них отвращение, да и самому на душе неспокойно.

Человеком он был работающим и сидеть без дела не умел, поэтому, едва разгулялось солнце,

подхватил топор и ушел в горы за дровами.

Старый Пэй Цзаоань колот дрова во дворе. Увидев, что внук всего лишь поймал желтого пса за хвост, а не выдирает из него шерсть клочьями, старик не стал вмешиваться. Стоило Пэй Яо разжать кулак, как собака даже убежать не стала, а просто улеглась рядом.

Чэнь Чжи воспитывал сына, и старому свекру соваться с советами не пристало — он молча делал свою работу.

Убедившись, что собака больше не скулит, Чэнь Чжи вернулся к лохани. Он поскреб ладонью спину Чанся и, увидев, что кожа распарилась и грязь начала легко сходить, смочил в горячей воде мочалку из высушенной лозы.

— Спинку еще немного поддержи в воде, — ласково сказал он, — а я пока потру тебе руки и шею.

Сказано — сделано. Рука у Чэнь Чжи была набита, и прежде чем Чанся успел хоть что-то сообразить, мужчина ловко выудил его правую ручонку из воды и принялся усердно тереть мочалкой.

Было довольно больно, и Чанся инстинктивно попытался вырвать руку обратно.

Но Чэнь Чжи предвидел это и держал крепко. Когда он мыл своего собственного сорванца Пэй Яо, тот вечно крутился и капризничал, за что Чэнь Чжи частенько осыпал его бранью, а если малец слишком уж брыкался, мог и пару шлепков по спине отвесить.

С Чанся они были еще мало знакомы, поэтому Чэнь Чжи сдерживался, но, видя, сколько на ребенке грязи, невольно тер его с удвоенным усердием.

Чанся в первый миг дернулся от боли, но тут же испугался, что вода выплеснется на пол и его отругают. Поняв это, он стиснул зубы и замер, не смея больше шелохнуться.

Чэнь Чжи пришлось изрядно попотеть, прежде чем кожа мальчика наконец заблестела чистотой. После этого он достал несколько диких плодов мыльного дерева, растер их в ладонях до густой белой пены и хорошенько, на совесть, домыл ребенка.

Увидев, что вода в лохани стала совсем мутной, так что в ней даже пены не разглядеть, Чэнь Чжи крикнул в сторону двери:

— Матушка, подлейте-ка ведро горячей воды!

Доу Цзиньхуа в это время пряла пряжу во дворе. Сегодня солнце припекало на славу, ветра не было, так что на улице стояла приятная погода.

Услышав зов фулана сына, она отложила работу, зашла на кухню и набрала полное ведро кипятка.

Дверь в комнату на миг приоткрылась и тут же с хлопком захлопнулась — старушка очень боялась упустить драгоценное комнатное тепло.

Чэнь Чжи опустил на дно лохани маленькую деревянную скамеечку и велел Чанся встать на нее.

Доу Цзиньхуа придержала мальчика за плечи, помогая сохранить равновесие.

Когда Чанся выпрямился, он оказался высоко над поверхностью воды. На дворе стояла зима, и как бы жарко ни топились кан и ни горели угли, едва тело оказывалось на воздухе, кожа тут же покрывалась гусиной кожей от холода.

Мальчик мелко задрожал. Чэнь Чжи зачерпнул ковш горячей воды и медленно пролил его на плечи ребенка:

— Сейчас, сейчас, маленько осталось. Ополосну тебя чистой водичкой, вытрем насухо — и сразу под одеяло.

От горячих струй, омывающих тело, Чанся сразу стало гораздо легче.

Затем Доу Цзиньхуа приподняла мальчика на руки, а Чэнь Чжи вылил еще пару ковшей ему на спину и ноги, смывая последние остатки мыла.

Обтерев его сухой холщовой тканью, Чэнь Чжи подхватил нагого мальчугана и перенес на кан.

Чанся был очень послушным: он сразу юркнул под одеяло и свернулся калачиком, согреваясь в теплой постели.

— Ух, ну и упрел же я, весь мокрый, — выдохнув, проговорил Чэнь Чжи. Взяв старый ковш, он принялся вычерпывать грязную воду из лохани.

Доу Цзиньхуа принялась помогать ему, попутно спросив:

— Во что мы его одевать-то будем?

Едва Чанся снял свои грязные вещички, старушка, послушавшись совета фулана сына, истолкла плоды мыльного дерева и бросила одежду отмокать в большой деревянный таз. За те двадцать дней, что мальчик проделал в пути вместе с Пэй Юва, его старый ватник засалился и покрылся плотным слоем дорожной пыли, так что без хорошей стирки тут было не обойтись.

Чэнь Чжи уже всё продумал заранее:

— Он худенький совсем. Пускай сперва померит одежду нашего Яо-эр. А за эти дни я успею сшить ему новый наряд, как раз к Новому году подоспеет.

— Если вещи Пэй Яо окажутся ему узки, схожу в Старое Поселение. Поищу среди тамошних соседей, у кого дети постарше, да куплю с рук какую-нибудь старую одежду по его росту, чтобы было в чем ходить пока.

Если бы речь зашла о пустых тратах, Доу Цзиньхуа, верно, пожалела бы денег. Но сейчас, когда её внук в таком нежном возрасте обзавелся собственной половинкой, старушка, пораскинув мозгами, не на шутку обрадовалась.

Да и не ходить же ребенку с голой попой. Поразмыслив, она предложила:

— Денег-то тебе хватит? Если туго, я могу дать тебе шестьдесят вэней из своих запасов. Коли покупать, так надо брать хорошую, плотную ткань.

— Да пока есть при себе, если не хватит — скажу, — ответил Чэнь Чжи.

Он подхватил ведро с грязной водой и вышел во двор. Увидев, что Пэй Яо мирно возится с собакой и никуда не сбежал, он окончательно успокоился.

Вылив воду, они вместе с Доу Цзиньхуа вытащили лохань во двор, хорошенько её вымыли и убрали в чулан. Закончив со всеми делами, Чэнь Чжи наконец вернулся в дом и открыл большой ларь, чтобы подобрать для Чанся одежду.

Доу Цзиньхуа зашла следом за ним, и они вдвоем принялись перебирать вещи в шкафу.

У Пэй Яо был один совсем новый наряд, сшитый из хорошей ткани, который берегли специально для праздников.

Однако в начале зимы, видя, что мальчик за лето прилично вытянулся, Чэнь Чжи с матерью на скорую руку справили ему два простых будничных костюма — плотных, добротных, с теплой нательной рубашкой и коротким жилетом, подбитой хлопком.

Натянув всё это на Чанся и придирчиво осмотрев его, Чэнь Чжи с улыбкой заметил:

— Кое-где маловато, конечно, но для зимы самое то — плотно к телу прилегает, теплее будет.

Штаны, нательная рубашка и ватник сели на мальчика вполне сносно. А вот когда на него примерили верхний халат, оказалось, что стоит Чанся приподнять руки, как ткань в подмышках натягивалась и сильно врезалась в кожу. Чэнь Чжи велел ему снять халат:

— Ничего страшного. Дело поправимое — распорю швы да вставлю пару лоскутков ткани, делов-то.

Доу Цзиньхуа тут же принесла корзинку с рукоделием, и они вместе с Чэнь Чжи уселись на край кана, принявшись перешивать одежду.

Теперь, оставшись в ватнике и штанах, Чанся больше не нужно было прятаться под одеялом. Вот только на ногах у него ничего не было, поэтому он укрыл ноги краем одеяла и сидел тише воды, ниже травы, украдкой наблюдая за шьющими взрослыми.

После того как верхний халат расширили в плечах, он сел на мальчика как влитой.

Однако ступни у Чанся были длиннее, чем у Пэй Яо — у того ножки были хоть и маленькими, зато пухлыми, так что чулки ему не подошли. Чэнь Чжи отыскал среди своих вещей пару чистых носков, и они с матерью принялись ушивать их под детскую ножку.

А вот теплых ватных башмаков для Чанся в доме не нашлось, так что ему пока приходилось сидеть на кане безвылазно. Чэнь Чжи ладонью измерил длину его стопы, достал из сундука пригоршню медных монет и торопливо вышел за ворота.

Доу Цзиньхуа взяла лист простой грубой бумаги и кусочек тонкого древесного угля. Она велела Чанся наступить на бумагу и аккуратно обвела его ступню углем.

Рассматривая получившийся след, старушка крепко задумалась. У нее в запасах еще оставалось немного заготовок из многослойной проклеенной ткани для подошв, да и лоскутков для верха обуви хватало.

Вот только сегодня было уже девятнадцатое число двенадцатого месяца, праздники на носу. Свободными оставались всего пара дней, и за такое короткое время сшить новые ватные туфли с нуля она бы никак не успела.

К тому же в первые дни Нового года по обычаю большую часть времени нельзя было

прикасаться к иголке с ниткой. А едва первый месяц подойдет к концу, на улице потеплеет, и теплая зимняя обувь станет попросту не нужна.

Так что куда разумнее было купить ему пару готовых туфель. Отмыть их хорошенько — и к празднику у ребенка будет чистая обувь.

Доу Цзиньхуа отрешенно смотрела на бумажный след стопы. Она была женщиной неразговорчивой, но прекрасно понимала задумку Чэнь Чжи.

Раз уж ребенка привели в их дом, нельзя выводить его на люди замарашкой. Одеть его нужно было прилично и чисто, чтобы перед односельчанами стыдно не было.

— Бабушка! Я есть хочу!

За окном раздался звонкий, полный сил детский голосок — чистый и безмятежный.

Пэй Цзаоань к тому времени закончил колоть дрова. Решив, что на сегодня хватит, он взялся за лопату и метлу, собираясь прибрать в углу двора: перетащить камни, старые палки, прогнившие соломенные циновки и заодно разровнять землю.

Услышав крик любимого внука, старик расплылся в улыбке, отчего его покрытое морщинами лицо стало похоже на печеное яблоко.

Оба старика были людьми молчаливыми, простыми и кроткими. Долгое время у них не было внуков, и теперь в этом позднем ребенке они души не чаяли.

Доу Цзиньхуа поспешно отложила бумажную выкройку и велела Чанся сидеть на кане и не спускаться.

Направляясь к кухне, она ласково проворчала:

— Скоро уже обед будет, и чего тебе не терпится? погоди, бабушка сейчас сварит тебе яйцо.

Желтый пес, избавившись наконец от назойливого внимания маленького хозяина, мирно растянулся на солнышке.

На лбу у несчастного пса древесным углем был небрежно выведен иероглиф «Ван» (王 - Царь») [Прим. - Полоски на лбу у тигра в китайской культуре напоминают этот иероглиф, поэтому на традиционных детских шапках-тигрятах всегда вышивают этот знак, символизирующий силу и защиту. ].

Взгляд собаки был совершенно потухшим; вид у нее был настолько изможденный, словно она только что пробежала несколько ли без передышки.

— У меня в комнате на столике лежат рисовые лепешки, возьми пока одну, поглодай. Только много не ешь, а то обедать скоро.

С этими словами Доу Цзиньхуа зашла на кухню, достала из-за пазухи связку ключей и отперла буфет. На верхней полке стоял небольшой глиняный горшочек. Приподняв крышку, она нащупала внутри куриное яйцо.

Она уже собиралась запереть шкафчик, как вдруг вспомнила, что теперь в доме живет не один ребенок.

Зимой стояли холода, и куры почти не неслись — особенно с наступлением одиннадцатого месяца яйца стали большой редкостью.

Все яйца, что удавалось скопить в горшочке, берегли: раз в несколько дней варили по штучке для Пэй Яо, а остальное откладывали к новогоднему столу.

Лишь изредка, когда солнце припекало несколько дней подряд, в курятнике можно было отыскать одно-два свежих яйца, так что каждая штука была на счету.

Если разделить одно яйцо пополам, Пэй Яо наверняка поднимет крик. К тому же внук ел за двоих и рос крепким, как дубок, что не могло не радовать сердце старухи; дать ему всего половинку яйца — сердце кровью обольется.

Но ведь и новоприбывшим невесткам или зятям при вступлении в дом по обычаю всегда полагалось подать хорошее угощение.

Чанся хоть и был мал, но его приход в дом ничем не отличался от свадьбы — в будущем ему предстояло стать супругом их внука.

Поразмыслив над этим, Доу Цзиньхуа запустила руку поглубже в черный горшок и вытащила второе яйцо.

Пока бабушка возилась у очага, Пэй Яо уже успел слазить в восточную комнату, стянуть две рисовые лепешки и теперь уплетал их за обе щеки. Жуя на ходу, он вспомнил про незнакомого старшего братика, который так внезапно появился в их доме.

Папа не пускал его в комнату, сказав, что братик моется и смотреть туда нельзя.

Пэй Яо усердно работал челюстями, отчего его пухлые щечки забавно раздувались. Утром, когда они с Чанся одновременно проснулись, он хотел было позвать его играть, но Чанся лишь сидел с отрешенным видом, ничего не понимая, и то и дело робко поглядывал на его папу. Видя это, Пэй Яо потерял к нему интерес и не стал заходить в комнату.

Распарившись от беготни, он сорвал с головы тигриную шапку и уселся на стул подле желтого пса.

Малыш замер в ожидании обещанного яйца, даже не заметив, как несчастный, пристыженный пес тихонько, боком, отполз от него подальше в сторону.

Солнце светило так ярко, что на улице приходилось зажмуривать глаза. Когда лучи припекли спину так, что стало жарко, Доу Цзиньхуа перебралась в прохладную тень главной комнаты.

В западной комнате окна и двери по-прежнему оставались плотно закрытыми. Чанся, которому только что вымыли голову, сидел возле жаровни и неумело, неуклюже тер мокрые волосы холщовым полотенцем.

Он сидел боком, стараясь подставить голову под струящееся от углей тепло.

Мальчик не издавал ни звука. С мокрыми волосами на улицу ему было нельзя, а раз «папа» велел сушиться у огня, он и сидел смирно, послушно подставив бок жаровне.

Полуденный обед уже закончился. Как и во время их долгого путешествия, здесь его накормили досыта, и голод больше не терзал его желудок.

Более того, перед самой едой ему дали целое вареное яйцо!

Такую роскошь, как куриные яйца, могли позволить себе только зажиточные люди. Раньше Чанся мог на них разве что издали посмотреть. Даже если в раннем детстве ему и случалось пробовать яйца, он напрочь позабыл их вкус.

— Ха!

Пэй Яо вовсю резвился на кане. Зажав в ручонке короткую бамбуковую палочку, он неистово размахивал ей во все стороны, издавая ртом воинственные кличи.

Чэнь Чжи сидел на краю кана и перешивал одежду — то было его собственное старое платье, которое нужно было распороть и перекроить под мальчика, на что требовалось несколько дней кропотливого труда.

Шумное поведение сына вызывало у него лишь ворчание:

— А ну пошел отсюда, держись от меня подальше! У меня в руках игла, а вдруг я тебя уколую? И перестань так махать своей палкой — если заденешь меня, отберу и выброшу!

Пэй Яо был малым сообразительным: он тут же, словно колобок, отскочил в сторону, но недалеко, и пару раз с грохотом прыгнул на месте.

Чэнь Чжи терпел-терпел, но в конце концов не выдержал и прикрикнул:

— Ах ты, щенок! Вот провалится кан под твоим весом — посмотришь у меня!

Только тогда Пэй Яо притих.

Впрочем, тишины хватило ненадолго: уже через минуту он принялся тихонько, одними губами, изображать звуки взрывов и ударов: «Пиф-паф, бум-бам!».

Чанся мельком взглянул на играющего на кане мальчика и тут же отвел глаза, поворачиваясь к жаровне другим боком, чтобы волосы сохли равномерно.

Пэй Яо рос белым и пухлым мальчуганом — большие круглые глаза, ровный прямой носик, да и ростом бог не обидел. Собой он был на редкость хорош и миловиден.

От подвижных игр его пухлые щечки налились густым румянцем. На голове у него по-прежнему красовалась расшитая цветными нитями воинственная тигриная шапка, на лбу которой красовался гордый иероглиф «Ван» (王).

Несмотря на свою упитанность, он вовсе не выглядел неуклюжим, во всем его облике сквозила необычайная живость.

Утром Чанся пытался было поиграть с ним, но из-за непривычной обстановки и жуткой робости так и не нашелся, что сказать и в какие игры играть.

Пока все трое занимались в комнате каждый своим делом, снаружи слышались голоса гостей.

В дом, весело переговариваясь, вошли двое деревенских — одна замужняя женщина и один фулан. В руках они несли корзинки с рукоделием, а в носовых платках у них были завернуты две пригоршни семечек.

О том, что семья Пэй привезла издалека маленького нареченного мужа, самые языкастые кумушки провели еще утром.

А уж когда Чэнь Чжи отправился в Старое Поселение покупать с рук поношенные ватные туфли, обмолвившись, что берет их для какого-то их «Чанся» или «Дуанься»[Прим. - Чанся (Длинное лето), Дуанься (Короткое лето)], слухи и вовсе полетели по деревне, точно на крыльях.

Событие для деревни было из ряда вон выходящим, так что все, кто водил дружбу с семьей Пэй, просто не могли упустить случая и поспешили зайти в гости, чтобы поглазеть на диковинку.

<http://bllate.org/book/17875/1718891>